

ЛУ СИНЬ ЖИВ

К 80-летию со дня рождения

Т. ГРИГОРЬЕВА

19 октября 1936 года Шанхай потрясла тяжелая весть. Когда она распространилась по городу, к маленькому домику на одной из улиц многомиллионного Шанхая стали толпами стекаться люди. Шли рабочие и ремесленники. Студенты 80 учебных заведений расписались в книге для проходящих. В почетном карауле стояли писатели, журналисты, ученые. Со всех концов земли приходили телеграммы соболезнования.

Умер Лу Синь.

Многотысячная процессия двигалась сквозь кордоны полиции. На знамени, покрывавшем гроб, были начертаны слова: «Душа народа».

* * *

Обыкновенному китайскому юноше чудом удалось получить образование. В числе пяти лучших учеников он был послан учиться в Японию. Возвратившись на родину, юноша нашел «нависшее свинцовое небо без просветов». Народ прозябал в нищете и невежестве. Ростовщики и чиновники грабили страну. В школах царили мракобесие и жестокая схоластика. Все это оправдывалось религиозным дурманом конфуцианства. Перефразируя старую народную пословицу, Лу Синь горько писал: «Наверху сумасбродствовали главари, внизу бестолково суетился народ-муравей, а в результате у каждого и перед воротами и на черепицах одна грязь». О китайском крестьянине Лу Синь писал: «Большая семья, голод, поборы и налоги, солдаты, бандиты, начальники — все это измучило его до того, что он стал похож на деревянного истукана».

В своих ранних статьях и переводах Лу Синь знакомит соотечественников с передовой политической и научной мыслью Запада и Востока. Сообщая китайцам об открытии радия, о теории Дарвина и других достижениях материалистической науки, Лу Синь выступает против засилья конфуцианства — официальной религии Китая. Веря в неограниченные возможности человеческой личности, он хотел пробудить свой народ от спячки. В статье «О демонической силе поэзии» он обращается к своему народу: «Если искать сегодня по всему Китаю, то найдутся ли бойцы в области духовной жизни. Найдется ли правдивый голос, заставляющий нас стать красивыми и стойкими?» Таким стал голос самого Лу Синя, который звучал на протяжении трех десятилетий, не умолкая в самые страшные годы реакции. Быстро разочаровавшись в реформистских идеях, Лу Синь вступал в подпольную революционную организацию «Гуанфу», и с тех пор вся его жизнь была тесно связана с жизнью китайских революционеров. Китайские коммунисты говорили о Лу Синь как о кормчех культурной революции в Китае, как о человеке крепкой когти, в котором не было ни тени раболепия и пресмыкательства, как о самом безупречном, самом отважном, самом решительном, самом преданном, самом пламенном, невиданном дотоле национальном герое, который, представляя большинство народа, штурмовал позиции врага на фронте культуры.

1911 год в Китае ознаменовался революционными событиями. Вся страна выступила против колониального и феодального гнета. Писателя пригласи-

Горький и Лу Синь. Гравюра китайского художника Чэнь Янь-цзяо.

ли на работу в министерство просвещения. Здесь, работая в отделе социального воспитания, он создал «Проект развития искусств». Это была своего рода программа революционных демократов. Лу Синь вслед за Белинским, Добролюбовым и Чернышевским провозгласил, что литература должна прав-

диво отображать действительность, произносить приговор над явлениями жизни и помогать перестраивать общество.

Но преобразовать жизнь оказалось невозможным. Надежды не оправдались. Свержение власти иноземных правителей не принесло народу освобождения. С утверждением диктатуры Юань Ши-кая в стране воцарилась реакция. Романтические иллюзии сменяются у писателя трезвым отношением к жизни. Лу Синь становится реалистом. В своем первом зрелом произведении «Былое» он с горечью пишет, что китайский народ в большей своей части не понимает и не поддерживает своих борцов. Борцы гибнут среди полного равнодушия к ним. Писатель считал, что страна зашла в тупик, и не видел сил, которые могли бы вывести ее из этого тупика. Наступили тяжелые годы молчания. Лу Синь не выступал как художник в течение шести лет. В эти годы писатель занимался организацией музеев, библиотек, собирал и систематизировал старые книги, устные народные легенды, изучал коллекции, работал над историей литературы. Лу Синь был выдающимся филологом, и эта его деятельность имела огромное значение для истории китайской культуры.

Но старина не могла дать ответа на все мучившие писателя вопросы. Этот ответ прозвучал в орудийном залпе «Авроры». У Лу Синя снова появляются надежды. Он примкнул к лучшей части китайской интеллигенции, к революционному лагерю. Помимо идейной близости, со многими представителями Коммунистической партии Китая писателя связывала также и личная дружба. Появился новый демократический читатель. Лу Синь отзывался на каждое событие в китайской жизни, была ли это забастовка рабочих, требование студентов, арест кого-либо из революционеров.

Лу Синю некогда было оттачивать свои произведения. Торопили события, торопили редакции. Его рассказы не потрясают формой, они написаны как свободное повествование. Потрясают они другим: глубиной и правдивостью. На смену авантурным романам, в которых воспевались любовные страдания ученых мужей и утонченных красавиц, в китайскую литературу пришел простой человек. Рассказ Лу Синя «Дневник сумасшедшего», написанный под влиянием Гоголя, был событием для китайской литературы. Герой рассказа одержим манией преследования, ему кажется, что все вокруг людоеды. В Китае существовало древнее поверье: стоит только человеку съесть сердце и печень убитого, как он тут же станет храбрым. Так писатель в иносказательной форме хочет показать, что в китайском обществе человек человеку волк. Кончается рассказ призывом: «Может, есть дети, которые еще не ели людей. Спасите, спасите детей».

Теме загубленной жизни, тяжелому положению маленького человека в обществе посвящено множество рассказов Лу Синя. Герой любимого писателем рассказа «Кун И-цзи» провалился когда-то на экзаменах. Теперь, забитый и опустившийся, он каждый день появляется в кабачке «Всеобщее благополучие». Окружающие над ним издеваются. Когда за кражу ему переломали ноги, никто о нем даже не вспомнил.

Лу Синь с горечью рисует черты приниженности, рабской психологии у представителей своего народа. «Подлинная история А-Кью», история деревенского бродяги, никчемного человека, который закрутил косу — знак принадлежности к революции — только для того, чтобы жители города обратили

на него внимание, который кичится даже своими поражениями, объявляя их «моральной» победой, — это сатирическое изображение подлинных черт китайского характера, воспитанных в народе тысячелетним гнетом. Реакционеры часто упрекали Лу Синя «в издевательствах» над китайским народом. Но сатира и смех Лу Синя так же, как сатира и смех корифеев русского критического реализма Гоголя и Щедрина, были оружием борьбы, оружием, которое сражало врагов и подымало тех, кто еще мог подняться.

В 1926 году после демонстрации 18 марта, когда имя писателя было опубликовано в списках «государственных преступников», Лу Синь вынужден был покинуть Пекин. Писателя давно тянуло на революционный Юг. В Кантоне строилась новая общественная жизнь. Открытая деятельность рабочих профсоюзов, различных женских и молодежных организаций, собрания, лекции, демонстрации — все это не могло не привлекать Лу Синя. В Кантоне он получает пост декана литературного факультета университета имени Сунь Ят-сена. Но обстановка вскоре изменилась. Чан Кай-ши произвел контрреволюционный переворот. Снова наступили страшные годы реакции. Лу Синь сетует, что передовой молодежи нечего теперь читать, ибо «...лучше томиться жаждой над пустым бокалом, чем покупать официальные рвотные средства, по крайней мере не отравишься».

Испытанный борец Лу Синь в подполье вместе с другими левыми писателями создает лигу левых писателей, руководимую Коммунистической партией. Когда была расстреляна группа молодых литераторов-коммунистов, под руководством Лу Синя вышел подпольный журнал «Авангард», посвященный погибшим. О злодеяниях гоминьдановцев узнал весь мир. Лу Синь вел борьбу и с националистическими литераторами, откровенно поддерживавшими гоминьдановский режим, и с так называемыми писателями среднего рода, ратующими за невмешательство в общественную жизнь, и с группой «Новолуние», проповедующей американский образ жизни. Лу Синь изучает классиков марксизма-ленинизма. Работая над переводами Гоголя, Чехова, Щедрина, он настойчиво призывает китайскую молодежь изучать русскую литературу. С его помощью в Китае вышел ряд произведений советских авторов: «Тихий Дон» Шолохова, «Цемент» Гладкова. Враги травили писателя. В газете было опубликовано открытое письмо, в котором Лу Синя обвиняли в подрыве основ гоминьдана. Но и в последние годы жизни его не покидала вера в революционные силы народа. Эта вера отразилась в цикле сатирических сказок «Старые легенды в новой редакции». Разоблачая «ученых мудрецов» и схоластов, он любовно рисует народных героев, утверждая, что творческая роль в истории принадлежит народу.

И после смерти Лу Синя творчество его продолжает служить делу борьбы за новую жизнь и культуру в Китае. Лу Синь явился основоположником социалистического реализма в Китае. На его книгах учатся сегодня молодые китайские писатели. Писатель учит их, сатирически изображая отрицательные явления жизни, никогда не теряя веры в самую жизнь, всегда видя перед собой перспективу, ростки нового, того нового, что неизбежно приходит на смену отживающей гнили.

В наши дни творчество Лу Синя, проникнутое пафосом гуманизма и борьбы за жизнь, достойную человека, служит великому делу строительства социализма в Народном Китае.